

Б. Н. ЧИЧЕРИН

История политических учений

6.РУССО

Руссо выступил на литературное поприще как противник господствовавшего во Франции материализма. Выводам сенсуалистической школы он противопоставлял внутренние требования человека, проповеди личного интереса — нравственные начала жизни. Подвергая меткой критике основные положения материалистической философии, он доказывал, что материя, по самому своему понятию, есть нечто мертвое и косное, что говорить о живой материи — значит изрекать слова, не имеющие смысла. Опираясь на то, что человек чувствует в себе самом, он утверждал, что источником силы может быть только воля, а источником закона только разум. Поэтому он в мире видел правление единого Божества, а в человеке соединение двух элементов — тела и души. Во имя духовной природы человека он отвергал фатализм, вытекавший из материалистической системы, и ссылаясь на внутреннее сознание в доказательство, что человек есть существо свободное, само управляющее своими действиями, а потому и ответственное за них. Через это начало личной свободы, которое у материалистов лишено было настоящего основания, получало новое значение.

Но Руссо не останавливался на чистом индивидуализме. Так же, как шотландские философы, он эгоистическим стремлениям человека противопоставлял симпатические наклонности и внутренний голос совести, отличающей добро от зла. С другой стороны, однако, он придавал личной свободе гораздо

более значения, нежели шотландцы¹. Для него, так же как и для чистых индивидуалистов, это было абсолютное начало, которого не позволено касаться, начало, составляющее источник всего общественного быта. Таким образом, в Руссо соединяются оба противоположные направления, вытекшие из учения Локка. Он старался сочетать абсолютные требования личности с началами нравственности и общежития. Но так как и он стоял на почве индивидуализма, то настоящего соглашения произойти не могло, а высказывалась только несовместность одних с другими. Одаренный неуклонною силою логики, Руссо не отступал ни перед какими выводами. Поэтому скрывающиеся в этом учении противоречия выступали у него особенно ярко и обнаруживались на каждом шагу. Такой именно характер носит на себе его политическая теория, которая представляет высший идеал индивидуальной школы, но которая вместе с тем вполне обличает всю односторонность принятых ею начал*.

Первое сочинение Руссо, которое появилось в печати, была *«Речь о науках и искусствах»*** . Она была написана в 1750 году, на тему, заданную Дижонскою академией: «содействовало ли восстановление наук и искусств очищению нравов?»² Руссо отвечал отрицательно. Он утверждал, что просвещение портит нравы, что умственное развитие ведет к умножению потребностей, прихотливых вкусов, личных стремлений, к господству эгоистических целей и утонченных форм, в ущерб простоте жизни, правде и нравственности. Ссылаясь на пример древних, он доказывал, что только те народы играют историческую роль и совершают великие дела, которые сохраняют в себе первобытную простоту, и что, напротив, государства падают, как скоро они усваивают себе плоды цивилизации. Эта речь была увенчана премией.

Ту же тему, но еще с большим искусством и с большею последовательностью Руссо развивал в другом сочинении, писанном в 1754 году, тоже на вопрос, поставленный Дижонскою академией, именно в *Речи о происхождении и основаниях неравенства между людьми****³. Он выставлял здесь дикого

* Насчет философских мнений Руссо см. в особенности в «Эмиле»: Profession de foi du Vicaire Savoyard⁴.

** discours sur cette question: Le rétablissement des sciences et des arts a-t-il contribué à épurer les mœurs? Сокращенно: discours sur les Sciences et les Arts.

*** discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes.

человека, в его первобытной свободе и простоте жизни, идеалом для современных обществ. В этом сочинении заключаются и зачатки политических воззрений Руссо. Поэтому в изложении его учения необходимо бросить взгляд на содержание этого трактата.

Руссо отправляется от того положения, что, по общему признанию, люди, по природе, равны между собою. Если и существует естественное неравенство, состоящее в различии возраста, здоровья, физических и умственных сил, то оно никак не может объяснить неравенства нравственного или политического, установленного в человеческих обществах, ибо последнее отнюдь не основано на первом. Каким же сцеплением чудес можно было заставить сильного повиноваться слабому и побудить народ отказаться от действительного счастья во имя воображаемого спокойствия? Очевидно, что это могло произойти только от искусственного развития. Человек удалился от своего первообраза так, что едва можно узнать в нем первобытные черты. Предаваясь страстям и следуя внушениям безумствующего разума, он исказил в себе данную ему Богом природу. Чтобы познать истинное естество человека, надобно, следовательно, откинуть все искусственные наросты и представить себе людей в первобытном состоянии, в том виде, как они вышли из рук Творца. Этим только способом можно исследовать законы человеческой природы, которые философами понимаются совершенно превратно. Каждый толкует их по-своему, хотя все сходятся в одном, именно в том, что они естественный закон основывают на метафизических началах; как будто нужно быть глубоким метафизиком, чтобы следовать законам своего естества. Естественный закон тот, который говорит непосредственно голосом самой природы. Следовательно, его надобно искать в началах, предшествующих разуму. Мы можем усмотреть два таких начала: одно, которое побуждает нас стремиться к самосохранению и к личному счастью, другое, которое возбуждает в нас неотразимую жалость при виде чужих страданий. Из сочетания этих двух начал можно объяснить все правила естественного закона, не прибегая к общежитию. Таким образом, человеку не нужно быть философом, прежде нежели он сделался человеком; его обязанности к другим определяются не поздними уроками мудрости, а прирожденным ему чувством. Этим разрешается и спор насчет распространения на животных предписаний естественного закона. Человек не делает зла другому не столько потому, что признает в нем разумное существо, сколько потому, что видит

в нем существо чувствительное, а так как это свойство общее людям и животным, то последние имеют, по крайней мере, право не подвергаться бесполезным мучениям*.

Этот вывод Руссо ясно указывает на характер принятых им начал. Несмотря на его полемику против материалистов и на глубокое сознание нравственных требований, он все же остается на той же, чисто индивидуалистической почве. Основным свойством человека признается не разум, а чувство, не общий элемент, а личный. Вследствие этого человек приравнивается к животным, и последним приписываются такие же права, как и первому.

Требую обращения мысли к первобытному состоянию человека, Руссо не думает, однако, утверждать, что это состояние действительно существует или некогда существовало в человечестве. Напротив, он прямо говорит, что это — чистый вымысел и что подобные исследования надобно принимать не за исторические истины, а за гипотетические рассуждения, которые способствуют только лучшему выяснению предмета**. Таким образом, факты совершенно устраняются, как не идущие к делу. Берется отвлеченное понятие о человеке и из этого понятия логическим путем выводится вся последовательная нить его развития. «Человек! — восклицает Руссо. — Вот твоя история, как я мог ее прочесть, не в книгах, писанных тебе подобными, которые лживы, а в природе, которая никогда не лжет»***. Эта метода лучше всего характеризует способ исследования мыслителей XVIII века.

Руссо представляет себе людей первоначально рассеянными и живущими наподобие животных. От последних человек отличается не столько разумом, сколько свободною волею, признак духовного его естества. Он отличается и способностью к совершенствованию, которая составляет источник всех его бедствий. В первобытном состоянии эта способность остается пока еще без действия. Следуя внушениям природы, человек делает добровольно, по собственному выбору, то, что животные совершают по бессознательному влечению инстинкта. Уступая животным в силе, он превосходит их физическою организацией и умением пользоваться средствами для достижения своих

* См.: *iscours sur l'origine de l'inégalité etc. Préface.*

** *iscours sur l'orig. de l'inég. etc. P. 131. Œuvres complètes de Rousseau. Paris, 1839. T. IV.*

*** *Ibid.*

целей. Самые силы его, вследствие постоянного упражнения, изощряются гораздо более, нежели в состоянии общежития. Потребностей у него почти нет, а потому нет и страстей, а с тем вместе и поводов к распрям. Если желание удовлетворить своим нуждам побуждает его иногда к нападению на других, то эти стремления смягчаются прирожденным ему состраданием. Самое половое влечение ведет лишь к мимолетным соединениям лиц. Мужчины случайно сходятся с женщинами, и ребенок покидает свою мать, как скоро она ему не нужна. Таким образом, в первобытном состоянии мы не можем назвать человека ни добрым, ни злым, ибо между людьми вовсе нет еще нравственных отношений и признанных обязанностей. С полною свободою соединяется здесь и совершенное равенство, ибо физические силы, при одинаковом образе жизни, развиваются почти одинаково у всех, а умственные способности, при малочисленности нужд, остаются без развития. Однако людей в этом состоянии мы отнюдь не должны представлять себе несчастными. Несчастье есть лишение и страдание, а какое может быть страдание у свободного существа, которого сердце в мире и тело здорово? Несчастье есть плод искусственного просвещения: оно неизвестно там, где нет ни страстей, ни потребностей*.

Человек мог бы вечно остаться в этом состоянии, если бы не разные случайные обстоятельства, которые, усовершенствовавши его разум, исказили его природу и сделали его злым, превратив его в существо общежительное.

Препятствия, которые человек встречал в удовлетворении своих потребностей, возбудили в нем деятельность мысли. Он стал изобретать орудия, и это обратило его внимание на взаимные отношения вещей. Он стал наблюдать себе подобных, и это сблизило его с людьми. Мало-помалу основались семейства; люди построили себе постоянные жилища. Таково состояние, в котором находятся дикие народы. Можно полагать, что это — самая блаженная эпоха в жизни человечества. Имея мало потребностей, не нуждаясь друг в друге, люди жили свободные, здоровые, добрые и счастливые, насколько это для них возможно. К сожалению, это состояние не продлилось. Изобретательность человеческого ума повела к открытию способов выделки металлов и к возделыванию земли. Для этого недостаточно уже было одинокого труда:

* Ibid. 1-ère part.

нужно было содействие нескольких. Земледелие повлекло за собою установление собственности, а с тем вместе исчезло равенство и начались все бедствия человеческого рода. «Первый, — говорит Руссо, — кто, оградивши участок земли, вздумал сказать: *это мое*, и нашел людей довольно глупых, чтобы ему поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы человечество тот, кто, выдернув колья и закопавши ров, кликнул бы себе подобным: смотрите, не слушайте этого обманщика, вы погибли, если забудете, что плоды земные принадлежат всем, а земля никому!» Но едва ли уже в то время, продолжает Руссо, можно было остановить неуправляемый ход вещей*.

С установлением собственности должно было выказаться и развиваться естественное неравенство способностей, а вместе с тем родились и все пороки, сопровождающие стремление человека к превосходству над другими. Между людьми явилось различие богатых и бедных. Умножение потребностей повело и к тому, что свободный прежде человек сделался рабом своих нужд, а потому зависимым от других. Каждый старался воспользоваться плодами чужого труда: богатый хотел властвовать над бедным; последний хотел присвоить себе имущество богатых. Отсюда постоянные раздоры и бедствия, которые повели наконец к новому перевороту.

Подвергаясь беспрерывным нападениям и изыскивая средства защиты, богатые изобрели способ обратить в свою пользу самые силы противников. Они убедили последних соединиться всем вместе для водворения мира и для охранения прав всех и каждого. «Таково было или должно было быть происхождение общества и законов, которые наложили новые оковы на слабых и дали новые силы богатым, которые бесповоротно уничтожили естественную свободу, упрочили навсегда закон собственности и неравенства, которые из ловкого присвоения сделали неприкосновенное право и для пользы немногих честолюбцев навеки обрекли человечество труду, рабству и нищете**.

Установление одного общества повлекло за собою и другие. Человеческий род распался на отдельные государства, которые, находясь между собою в естественном состоянии, приходили в беспрерывные столкновения друг с другом. Отсюда

* Ibid. 2-ème part. P. 159 et al.

** Ibid. P. 172.

страшные войны и те предрассудки, которые возвели пролитие крови на степень общественной добродетели. Люди стали уничтожать друг друга тысячами, сами не зная за что. В один день совершалось более убийств, нежели в течение веков естественного состояния.

Руссо опровергает все другие способы установления политических обществ, признаваемые писателями. Гражданский порядок не может иметь источником завоевание, ибо сила не рождает права. Только добровольное признание побежденных делает правительство законным; иначе продолжается состояние войны. Гражданские общества не могли также возникнуть из отеческой власти, ибо в естественном состоянии отец не имеет власти над взрослыми детьми. Скорее можно сказать наоборот, что отеческая власть получает главную свою силу от власти гражданской. Наконец, образование обществ не может быть приписано соединению слабых, ибо бедным, не имеющим ничего, кроме свободы, нет никакой выгоды отказываться от последнего своего блага. Изобретение обыкновенно принадлежит тем, кому оно выгодно, а не тем, кому оно вредит*.

С водворением гражданского порядка народы признали над собою власть, но еще не подчинились деспотизму. Не входя в настоящее время, говорит Руссо, в исследование свойств основного общественного договора, можно, держась общего мнения, рассматривать первоначальное установление правительств как договор между ними и народом. Последний утвердил основные законы и выбрал начальников; правители же обязались действовать на основании законов. Образы правления могли быть различны, смотря по обстоятельствам, но вообще, первоначально власти были выборные. Скоро, однако, возникшие неурядицы повели к новым переменам. Начались козни и раздоры; водворилась анархия. Этим воспользовались начальники, чтобы упрочить свою власть и сделать ее наследственной. Народ, привыкший уже к зависимости, согласился на это, чтобы избавиться от волнений. Таким образом установилась произвольная власть: правители стали смотреть на государство как на свою собственность, а на граждан как на своих рабов.

Эта последняя перемена представляет высшее и крайнее развитие неравенства между людьми. В первую эпоху, с установлением собственности, является различие богатых

* Ibid. P. 173–174, 176.

и бедных, во вторую эпоху, с установлением правительств, различие сильных и слабых, наконец, в третью, с заменою законной власти произвольною, различие господ и рабов. Политическое неравенство влечет за собою и неравенство гражданское: каждый, подчиняясь высшему, старается получить преимущество над низшими. Но с водворением деспотизма все опять делаются равны, ибо все одинаково становятся рабами. Это — возвращение к первобытному состоянию, где господствует право силы, с тем различием, что одно представляет человеческую природу в ее чистоте, а другое является плодом совершенного ее искажения. Между этими двумя крайностями лежит весь путь постепенного извращения человечества. Естественный человек исчезает, и вместо его являются собрания людей с искусственными наклонностями, страстями и отношениями. Все, что составляло счастье для первого, невыносимо для последних. Дикий находит блаженство в свободе и покое; гражданин, вечно деятельный, живет в непрерывной тревоге и постоянно ищет новых, еще более мучительных работ. Он прислуживает сильным, которых ненавидит, и богатым, которых презирает: он хвастается своею низостью и их покровительством. Гордясь своим рабством, он с презрением говорит о тех, которые не имеют чести разделять ту же участь. Дикий живет в себе самом; гражданин, обретаясь вечно вне себя, живет только чужим мнением. Таким образом, все у него превращается в пустую внешность, лишенную содержания: у него честь без добродетели, ум без мудрости, удовольствие без счастья. От первоначальной его природы не осталось ничего; все в нем — происхождение искусственного быта и господствующего в обществе неравенства*.

Эти выводы и рассуждения Руссо очевидно имеют чисто отрицательный характер. Не раз в истории человечества мы видим мыслителей, которые, отвращаясь от современного им общества, негодуя на его пороки, ищут идеала в диком состоянии и представляют неиспорченного еще человека как образец своим согражданам. Руссо также искал идеала, к которому неудержимо стремилась его пламенная душа. Он не верил, что человек создан был природою таким, каким он видел его перед собою. Он мечтал о свободе и равенстве, а замечал вокруг себя только подчинение и иерархию; он требовал

* Ibid. P. 182–187.

мужественных добродетелей, а встречал только утонченный эгоизм, мелочное тщеславие и сложные человеческие отношения, в которых ложь прикрывается наружностью истины. Поэтому он естественно обращался к дикому состоянию, где он находил свободу, равенство, простоту жизни и чувств, которые он тщетно искал среди современников. Обратная сторона картины перед ним исчезла. При всем том он сам не мог остановиться на этом воззрении. Оно заключало в себе коренное противоречие с такими требованиями, которые, по собственному его учению, необходимо связаны с человеческою природою. Индивидуализм доводился здесь до тех крайних пределов, при которых, отрицая все остальное, это начало должно было наконец отрицать и само себя. Все общественные связи отвергались как плод искусственного развития; идеалом выставлялся человек, не имеющий никакого отношения к себе подобным. Но этим самым отвергалось все, что дает цену и значение человеческой личности, что способно возвысить человеческую душу. Отвечая на возражения, которые сыпались на него со всех сторон за его нападки на образование, Руссо говорил, что он постоянно будет повторять только два слова: «истина! добродетель!»* Между тем в одиноком состоянии нет ни познания истины, ни приложения добродетели. Описывая первобытного человека идеальными красками, Руссо сознавался, что люди в то время, не имея друг с другом никаких нравственных отношений, не могли быть ни добрыми, ни злыми, не имели ни добродетелей, ни пороков**. Еще менее было тут места для деятельности разума, для познания. «Состояние мышления, — говорит Руссо, — есть состояние противоестественное, человек, который размышляет, есть животное развращенное»***. Остается, следовательно, чисто животная жизнь. Сами материалисты, против которых так сильно вооружался Руссо, не могли придумать ничего более крайнего. С своею неуклонною логикою Руссо доводил принятое им начало до конца, но этим самым обнаруживалась вся внутренняя пустота этого начала. Оказывалось, что последовательно проведенный, односторонний индивидуализм противоречит существу человека и что поэтому необходимо повернуть в другую сторону, связать его с высшими элементами человеческой природы.

* Lettre à l'abbé Raynal.

** isc. sur l'orig. de l'inég. etc. 1-ère part. P. 149.

*** Ibid. P. 136.

Ратуя во имя правды, нравственности, добродетели, Руссо рано или поздно должен был обратить свои взоры в другую сторону, искать идеала не назад, а вперед, в состоянии общежития, ибо здесь только высшие требования человека могут найти полное приложение. Но надобно было придумать такое общественное устройство, которое, связывая человека с себе подобными, вместе с тем сохраняло бы неприкосновенными первобытную его свободу и данные ему природою права. Плодом его размышлений было сочинение «Об Общественном договоре» («*u Contrat Social*»), вышедшее в 1762 году, восемь лет спустя после «Речи о происхождении неравенства». «Найти форму союза, посредством которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако же, единственно себе самому и оставался бы столь же свободным, как и прежде»: такова была в сущности неразрешимая задача, которую Руссо предложил себе в этом трактате*.

«Человек рождается свободным, а везде он в оковах» — так начинает Руссо свое рассуждение. Как произошла эта перемена? Неизвестно. Что может сделать ее законною? Для разрешения этого вопроса надобно разобрать, на чем основано человеческое общежитие**.

Руссо устраняет мнение о происхождении гражданских обществ из семейства. Так как все люди по природе свободны и равны, то дети, по достижении совершеннолетия, выходят из-под родительской власти. Если они остаются подчиненными отцу, то это совершается не иначе как в силу договора; они отчуждают свою свободу единственно для собственной пользы***. С другой стороны, государства не могут быть основаны и на силе. Сила не рождает права; это — материальная способность, которая не может иметь нравственных последствий. Если принять это начало, то следует признать, что тот прав, кто сильнее других, а потому, кто может безнаказанно не повиноваться закону, тот действует по своему праву****.

* *u Contrat Social*. L. I. Ch. VI: «Trouver une forme d'association, qui défende et protège de toute la force commune la personne et les biens de chaque associé et par laquelle chacun, s'unissant à tous, n'obéisse pourtant qu'à lui-même et reste aussi libre qu'auparavant. Tel est le problème fondamental dont le contrat social donne la solution».

** *u Cont. Soc.* L. I. Ch. 1.

*** *Ibid.* Ch. 2.

**** *Ibid.* Ch. 3.

Остается, следовательно, договор как единственное основание всякой законной власти между людьми. Но этот договор не может состоять в отчуждении одним лицом своей свободы в пользу другого. Отречение от свободы несовместно с человеческою природою: это значит отказаться от качества человека, от человеческих прав и обязанностей. Этим уничтожается нравственный характер действия, а потому подобный договор не имеет силы. Только безумный может отдать себя всецело, ничего не истребовать обратно; но безумие не рождает права. Еще менее возможно предположить подобное действие со стороны целого народа. Если бы даже человек имел право отчуждать свою свободу, то он не вправе располагать свободою детей. Некоторые выводят рабство из войны: утверждают, что победитель властен сделать рабами тех, кому он даровал жизнь. Но война не есть отношение между частными лицами: это — отношение государств. Отдельные лица участвуют в ней только как граждане, а не в качестве людей. Их можно убивать, пока у них оружие в руках; но как скоро они сдались, так право жизни и смерти над ними прекращается и наступают отношения добровольные. Поэтому если они обращаются в рабство, то это опять не что иное, как право силы, то есть продолжение войны. Отсюда могут возникнуть отношения господские, а отнюдь не гражданские*. Необходимо, следовательно, прийти к договору обоюдному, основанному на свободной воле лиц, вступающих в обязательство относительно друг друга. В чем же состоит существо этого договора?

Прежде нежели народ устанавливает над собою правительство, нужно, чтобы отдельные, разрозненные лица совокупились в единый народ. Акт, в силу которого совершается это соединение, и есть *Общественный Договор*, основание всякого общежития. Условия его определены самою природою, так что малейшее их изменение уничтожило бы самое обязательство. Эти условия везде одни и те же, хотя они нигде формально не высказываются. Сущность их заключается в том, что каждый отдает всецело себя и все свои права в пользу всего общества. Этим только способом возможно сочетать сохранение свободы с требованиями общежития. Ибо если бы отдельные лица сохраняли за собою часть своих прав, то они сами оставались бы судьями этих прав; между ними и обществом не было бы высшего судьи, которому предоставля-

* Ibid. Ch. 4.

лось бы решение споров, а это — состояние анархии. Но когда каждый отчуждает все свои права в пользу целого общества, оставаясь сам нераздельным членом этого целого, то этим достигается двоякая цель: с одной стороны, вполне удовлетворяются требования общежития; с другой стороны, человек не лишается своей свободы, ибо, подчиняясь общей воле, которой он сам состоит участником, он в сущности подчиняется только себе самому. Вместе с тем этим способом сохраняется полнейшее равенство членов, ибо условия для всех одинаковы: давая другим право над собою, каждый приобретает совершенно такое же право над всеми другими. Наконец, этим устанавливается совершеннейшее единство союза. Общество становится нравственным лицом, имеющим свое я, свою жизнь и свою волю. Это лицо называется городом, республикой, политическим телом, государством, самодержцем, державою; члены же получают название народа, граждан или подчиненных, смотря по тому, в каком отношении они рассматриваются*.

В этом учении, которое заменяет личную свободу народным полновластием, мы видим выход из начал чистого индивидуализма. Руссо понял, что отдельные лица не могут сохранить за собою часть своих прав, ибо это не что иное, как продолжение анархии. В обществе необходим высший судья, которого приговоры имели бы абсолютную обязательную силу для всех, а таким может быть только целое или его законные органы. Подчинение должно, следовательно, быть полное, безусловное, по крайней мере в области юридических отношений. Но, оставаясь на почве индивидуализма, Руссо хотел вместе с тем сохранить неприкосновенную личную свободу человека, так чтобы лицо, подчиняясь обществу, в сущности повиновалось только самому себе. Он думал сделать это, давши каждому члену общества неотъемлемое право участвовать во всех общих решениях, то есть он заменял личное право политическим. Этим он существенно отличается от всех своих предшественников. Народное полновластие является у него не только как верховный источник всех общественных властей, но как постоянная, необходимая и исключительная форма всякого политического союза, как идеальное устройство, в котором неразрывно сочетаются оба противоположные элементы человеческого общежития: личный и общий.

* Ibid. Ch. 6.

Очевидно, однако, что этот оборот не спасает индивидуально-го начала. Личная свобода через это не остается неприкосновенною, ибо, подчиняясь общему решению, человек все-таки повинуется не себе, а другим. В этом отречении от собственной воли заключается первое и необходимое условие всякого общежития. Вопрос состоит только в том, кому выгоднее подчиняться: приговорам ли большинства или правительству, основанному на иных началах? Вопрос, который может быть решен различно, смотря по обстоятельствам. Во всяком случае, то устройство, которое предлагает Руссо, менее всего соответствует своей цели. Последовательно проведенное требование неперемennого личного участия каждого в общих решениях приводит к таким положениям, которые явно обнаруживают его несостоятельность. Сам Руссо не довел этого начала до конца: он ничего не говорит об участии женщин и детей в приговорах общества. Между тем этот вопрос составляет камень преткновения для его системы. Ибо, с одной стороны, если признать политическое право неотъемлемою принадлежностью всякого члена общества, потому только, что он рожден свободным, то оно несомненно должно принадлежать и женщинам и детям. С другой стороны, не говоря уже о других возражениях, ни женщины, ни дети не в состоянии нести, наравне с другими, всех гражданских обязанностей, которые необходимо соответствуют правам. Военная служба к ним неприменима. Следовательно, волею или неволею, приходится признать в членах общества различие способности, а не ограничиваться отвлеченным качеством гражданина. Дальнейшее изложение учения Руссо покажет нам все другие несообразности, вытекающие из принятого им начала.

В отличие от прежнего своего мнения, Руссо ставит гражданское состояние, устроенное на основании общественного договора, выше естественного. Первобытный инстинкт заменяется здесь правдою; действия лица получают нравственный характер. Хотя человек лишается некоторых естественных преимуществ, но в замене их он приобретает несравненно большие: способности его развиваются, мысль получает большую ширину, чувства облагораживаются, и, если бы не злоупотребления гражданского быта, он беспрестанно должен был бы благословлять ту минуту, которая вывела его из состояния природы и из тупого и ограниченного животного сделала его разумным существом и человеком*.

* Ibid. Ch. 8.

Выгоды, которые приобретает здесь человек, заключаются в следующем: он теряет естественную свою свободу, но получает свободу гражданскую, ограниченную общею волею, но гораздо более безопасную, нежели первая. Он впервые приобретает и свободу нравственную, которая одна дает человеку власть над самим собою, ибо подчинение инстинктивным желаниям есть рабство, а повиновение разумно принятому закону есть свобода. Отрекаясь от неограниченного права захватывать все, что может, гражданин получает взамен обеспеченную государством собственность. В гражданском состоянии владельцы, передавши все свои права государству, становятся как бы хранителями общего достояния, которое ограждается от нападений совокупною силою всех. Члены общества отказываются, наконец, и от естественного равенства, но приобретают равенство нравственное и законное, которое уравнивает физическое различие способностей. Таким образом, отдавши все государству, человек все получает от него обратно, умноженное и упроченное*. Самая жизнь гражданина перестает быть исключительно благодеянием природы; она становится условным даянием государства. На этом, между прочим, Руссо основывает законность смертной казни**.

Общественная связь, совокупляющая все лица в одно целое, есть общее благо, которое составляет цель всего государственного союза. Это именно и есть общий элемент в разнородных стремлениях, движущих отдельными лицами. Оно одно дает возможность соединить разрозненные воли в одну общую волю, извлекая из них то, что в них есть согласного. Поэтому всякий человеческий союз управляется единственно этим началом***.

Соединенная таким образом воля членов составляет верховную власть в государстве. По существу своему эта власть неотчуждаема и нераздельна. Она неотчуждаема, потому что всякое отчуждение есть замена общей воли частною, следовательно, нарушение первоначального договора, в силу которого существует самое общество. Верховная власть может состоять только из совокупной воли всех; как скоро она передается в частные руки, так она тем самым уничтожается, а вместе с нею уничтожается и политическое тело. Это имеет место даже и при передаче верховной власти народным представителям.

* Ibid. Ch. 8, 9.

** Ibid. L. II. Ch. 5.

*** Ibid. Ch. 1.

Если общественная воля, по существу своему, неотчуждаема, то она не может быть и представлена: это опять замена общей воли частною, следовательно, нарушение первоначального договора. Народ, выбирающий представителей, свободен только в момент избрания; как скоро выборы кончены, он становится рабом, следовательно, он превращается в ничто*.

Та же причина делает верховную власть нераздельною. Общая воля может быть только одна; воля какой бы то ни было части не имеет никакого значения. Политики, разделяющие верховную власть на отдельные элементы, создают из нее фантастическое существо, составленное из разных частей, связанных искусственным образом. Это то же самое, что если бы они человека составляли из нескольких тел, из которых одно имело бы глаза, другое руки, третье ноги, и более ничего. Заблуждение их проистекает из того, что они различные проявления власти принимают за отдельные ее отрасли. Отсюда множество неясностей у писателей по государственному праву**.

Будучи выражением общих интересов, общая воля всегда стремится к общему благу; следовательно, она, по существу своему, всегда права. В действительности, однако, народ нередко ошибается в своих суждениях; его можно обмануть, и тогда он, по-видимому, хочет не того, что следует. Чтобы разрешить это противоречие, Руссо отличает общую волю (*la volonté générale*) от воли всех (*la volonté de tous*). Первая есть то, на чем сходятся все частные воли; вторая же не что иное, как совокупность частных волей, из которых каждая стремится к своему особому интересу. Чтобы получить общую волю из воли всех, нужно откинуть разногласия; тогда останется среднее мнение, которое и будет общею волею. О последней только и можно сказать, что она всегда права.

Отсюда ясно, что общею волею не может считаться воля большинства, когда это большинство составляется из голосов известной партии, превозмогающей другие. Воля всякой партии есть частная воля, которая не может иметь притязания на владычество. Поэтому как скоро в государстве допускаются частные товарищества и борьба партий, так общая воля исчезает. Надобно, следовательно, чтобы при совокупных решениях граждане подавали голос каждый за себя, без

* Ibid. L. II. Ch. 1; L. III. Ch. 15.

*** Ibid. L. II. Ch. 2.

всякого соглашения с другими. Тогда только может получиться истинное выражение общей воли. Этим достигается и то, что народ никогда не будет обманут*.

Эти положения ясно указывают на слабые стороны разбираемого учения. Руссо, очевидно, усматривал необходимость отличать государственную волю, по существу своему направленную на общее благо, от воли демократической массы, движимой разнородными частными интересами. Но так как его собственные начала не допускали подобного различения, ибо, по его теории, каждый гражданин непременно должен быть участником общего решения на одинаких правах со всеми остальными, то приходилось механическим способом выделять общую волю из воли всех, а это вело к совершенно несостоятельным выводам и требованиям. В действительности, при решении дел народным собранием неизбежны борьба партий и преобладание большинства над меньшинством, то есть замена общей воли частною, и притом далеко не лучшею, ибо здесь дается перевес количеству над качеством. Устранить эти последствия нет никакой возможности, и самое то средство, которое предлагает Руссо, устанавливая невыносимую и безрассудную тиранию, все-таки не достигает цели. Как скоро человек принужден решать дела совокупно с другими, так он не может уже повиноваться единственно себе. По всем вопросам, в которых его мнение расходится с мнением большинства, он неизбежно должен подчинить свою волю чужой.

Руссо не мог этого не видеть; поэтому он старается устранить и это возражение, но тут он прибегает к такому софизму, который лучше всего обличает несостоятельность принятого им начала. При общей подаче голосов, говорит он, у граждан не спрашивается: одобряют ли они известное предложение или нет? а спрашивается только: какова общая воля? Поэтому, когда я подаю свой голос, я вовсе не хочу этим сказать, что мое мнение должно быть принято, а выражаю только убеждение, что общая воля такова. Если же перевес оказывается на другой стороне, то я вижу, что я ошибался, а потому соглашаюсь с противниками, следовательно, моя свобода сохраняется. Напротив, если бы в этом случае было принято мое собственное мнение, то вышло бы противоположное тому, что я хочу, то есть это было бы решение не общей воли, а частной, и тогда я не был

* Ibid. Ch. 3.

бы свободен*. Очевидно, что при этом объяснении нет уже речи о том, что человек должен повиноваться единственно себе: если я хочу, чтобы торжествовало чужое мнение, а не мое, значит, я отрекаюсь от собственного суждения и хочу повиноваться не себе, а другим. Этим способом можно доказать, что решение самодержавного монарха есть воля всех и каждого. Нечего говорить о том, что в действительности никогда не бывает того, что требует Руссо: в свободных государствах побитые партии не только не отказываются от своих убеждений, но, напротив, продолжают настаивать на них, нападая на противников и стараясь всеми средствами доставить победу своей стороне.

Стремление оградить личную волю каждого гражданина от чужого посягательства ведет Руссо и к другим несообразностям. Общественный договор дает государству абсолютную власть над членами; государство одно является судьей того, что оно требует от граждан. Но, с другой стороны, неременное условие соединения лиц в политический союз есть полнейшая взаимность. Общая воля потому только может действовать правильно, что каждый сам подчиняется тому решению, в котором он участвует. Поэтому верховная власть может делать только такие постановления, которые одинаково распространяются на всех. Всякие частные решения, касающиеся тех или других лиц, например производство выборов или наложение наказаний, выходят из границ ее права. В этом случае она перестает уже быть общею волею, а становится частною волею одних по отношению к другим. Следовательно, как бы верховная власть ни была абсолютна, священна и неприкосновенна, она, по существу своему, не может выступать из пределов общих постановлений, одинаково распространяющихся на всех. Истинная, неотъемлемая ее принадлежность есть законодательство. Закон есть выражение общей воли насчет общего предмета**.

Очевидно, что и здесь полагаются совершенно невозможные пределы верховной власти. Постановляя правила для разнообразных общественных интересов, законодательство не может не иметь в виду тех лиц, которые им причастны. В обществе нет интересов, совершенно одинаковых для всех: различие занятий, имущества, положения создает совершен-

* Ibid. L. IV. Ch. 2.

** Ibid. L. II. Ch. 4, 6.

но различные отношения. Выгоды земледельцев не совпадают с выгодами промышленников; выгоды рабочих противоположны интересам фабрикантов. Поэтому как скоро является необходимость законодательных мер для какой бы то ни было отрасли общественной деятельности, так неизбежно возгорается борьба интересов, и всякое решение будет победою одних над другими, то есть, по учению Руссо, частным постановлением, а не общим. Требовать же, чтобы законом определялось только то, что совершенно одинаково касается всех и каждого, значит сделать законодательство невозможным. Сам Руссо непоследовательно допускает, что закон может установить привилегии и даже наследственное правление, лишь бы не назначались лица. В обоих случаях вводится неравенство прав, следовательно, по его теории, нарушается общественный договор.

Нечего говорить о том, что все постановляемые теориею ограничения верховной воли всегда должны оставаться пустым словом. Ибо если верховная власть сама является судьей своих действий, как требует Руссо, если ей одной предоставлено решить, выступила ли она из пределов своего права или нет, то напрасно полагать ей какие бы то ни было границы. Тут может быть речь о пользе, а никак не о праве. Если же сами граждане, которых права нарушены, могут объявить общественный договор расторгнутым, то этим способом возвращается то состояние анархии, которое Руссо хотел устранить. Тогда абсолютный характер верховной власти теряет всякое значение.

Этим не ограничиваются затруднения. Даже в означенных пределах законодательная деятельность общества встречает препятствия, которые Руссо, с свойственною ему логикою, выставляет во всей их резкости. Законодательство — дело сложное, требующее значительной тонкости ума; как же вверить его слепой толпе, которая часто сама не знает, чего хочет? Народ, правда, всегда желает добра, но он не всегда его видит. С другой стороны, частные лица видят добро и его отвергают. Таким образом, все нуждаются в руководителе. Надобно заставить одних подчинить свою волю разуму и привести других к познанию того, что им потребно. Одним словом, в государстве необходим законодатель*. Кто же будет таким законодателем?

* Ibid. Ch. 6.

«Чтобы найти наилучшие правила общежития для народов, — говорит Руссо, — нужен был бы высший разум, который видел бы человеческие страсти и сам бы их не испытывал; который не имел бы никакого отношения к человеческой природе, а между тем знал бы ее вполне; которого счастье было бы независимо от нас и который, однако, захотел бы заниматься нашим счастьем; который, наконец, в течение времени, приготовляя себе отдаленную славу, мог бы родиться в одном веке и наслаждаться в другом. Нужны боги, чтобы дать законы людям»*. Такие требования объясняются громадностью задачи. «Кто берет на себя дать учреждения известному народу, — продолжает Руссо, — тот должен чувствовать себя способным изменить, так сказать, природу человека, превратить каждое лицо, составляющее совершенное и самобытное целое, в часть более обширного целого, от которого это лицо должно получить в некотором смысле свою жизнь и свое бытие; он должен переделать человеческую организацию, чтобы дать ей более силы, заменить зависимым и нравственным существованием то физическое и самобытное существование, которое мы получили от природы. Одним словом, надобно отнять у человека собственные его силы и дать ему силы чуждые, которыми бы он не мог пользоваться без помощи других. Чем более эти естественные силы умирают и уничтожаются, чем больше и прочнее силы приобретенные, тем учреждения крепче и совершеннее: так что, если каждый гражданин превращается в ничто и ничего не может сделать иначе как через посредство других, сила же, приобретенная целым, равняется или превышает совокупность естественных сил, принадлежащих отдельным лицам, можно сказать, что законодательство находится тогда на высшей степени совершенства, какой оно может достигнуть»**.

Между тем, имея перед собою задачу, которая выше человеческих сил, законодатель лишен всякой власти; ибо законодательная власть неотъемлемо принадлежит народу. Следовательно, он должен действовать одним убеждением. Но, с другой стороны, для того чтобы народ мог убедиться его доводами, надобно, чтобы он был уже пересоздан законодательством, чтобы он научился понимать отдаленные цели и предпочитать общее благо частному. Надобно, следовательно,

* Ibid. Ch. 7.

** Ibid. Ch. 6.

чтобы действие было прежде причины, то есть чтобы люди, принимающие закон, были уже такими, какими должен сделать их закон. Из всех этих противоречий, говорит Руссо, можно выйти только одним путем: законодатель должен выдать себя за провозвестника воли Божества и посредством религии подчинить народ своему авторитету*.

Не меньшие затруднения представляются и при рассмотрении тех условий, при которых народ может быть способен воспринять хорошее законодательство. Народы, как и отдельные лица, бывают податливы только в молодости; укоренившиеся привычки и предрассудки поставляют неодолимые препятствия всякому улучшению. Но, с другой стороны, общество должно быть достаточно зрело, чтобы понимать и исполнять законы. Как скоро эта средняя пора развития пропущена, так дело испорчено навеки**. Важен и объем государства. Оно должно быть не слишком велико и не слишком мало. С одной стороны, требуется, чтобы управление было у всех на виду и чтобы каждый гражданин имел возможность знать всех других: общественная связь слабеет, как скоро она распространяется на слишком большое пространство, а управление, осложняясь, ложится тяжелым бременем на народ. С другой стороны, необходимо иметь достаточно силы, чтоб не бояться соседей и сохранять свою независимость***. Далее, самое народонаселение должно быть соразмерно с величиною территории, ибо избыток земли, производя излишек средств, ведет к оборонительным войнам, недостаток, возбуждая потребности, — к наступательным. Одним словом, для успешного законодательства требуется соединение самых разнородных условий. Тот народ, говорит Руссо, способен к законодательству, «который, будучи уже связан каким-нибудь единством происхождения, интересов или взаимных обязательств, не носил еще настоящего ига законов; у которого нет ни обычаев, ни предрассудков, глубоко вкорененных; который не боится быть раздавленным внезапным нападением извне; который, не вмешиваясь в ссоры соседей, может один противостоять каждому из них или с помощью одного сопротивляться другому; в котором каждый член может быть известен всем и нет нужды взваливать на человека тяжести, превышающие

* Ibid. Ch. 7.

** Ibid. Ch. 8.

*** Ibid. Ch. 9.

человеческие силы; который может обойтись без других народов и без которого всякий другой народ может обойтись; который ни богат, ни беден, но может сам себя удовлетворить; который, наконец, соединяет в себе крепость старого народа с податливостью нового». А так как все эти условия встречаются весьма редко, то хорошее законодательство — вещь почти неизвестная на земле*.

Такова неразрешимая сеть противоречий, в которую впутывается Руссо вследствие односторонней точки исхода. Как скоро признается, что природа человека чисто личная, сама себя удовлетворяющая, независимая от других, так все общественные отношения представляются плодом искусственного развития. Чтобы сделать человека членом общества, нужно превратить его в нечто совершенно другое, нежели то, к чему его предназначила природа; нужно внушить ему иные чувства, понятия, стремления, нежели те, с которыми он рожден, а это, без сомнения, задача, превышающая человеческие силы. Только божество способно совершить подобное превращение. Поэтому и законодательство представляется не плодом естественного развития общественных потребностей, а каким-то чудесным событием, для которого не находится условий на земле. Индивидуалистическая точка зрения обнаруживает здесь все свои последствия. У Руссо противоречие начал тем более кидается в глаза, что он сам признает общежитие высшею сферою, в которой развиваются все человеческие способности; а между тем индивидуалистическая точка исхода не позволяет ему видеть в нем прирожденную потребность человека как духовного существа.

Целью законодательства Руссо, согласно с требованиями индивидуализма, полагает две вещи: свободу и равенство; свободу — потому что всякая частная зависимость есть сила, отнятая у государства, где каждый гражданин должен быть совершенно независимым от других и вполне зависим от целого; равенство — потому что без него свобода невозможна. Но под именем равенства, говорит Руссо, не следует разуметь совершенно одинаковую для всех степень могущества и богатства. Требуется только, чтобы могущество лица никогда не доходило до насилия и всегда подчинялось закону, а мера богатства была бы такова, чтобы никто не в состоянии был закупить другого и никому не было бы нужды себя прода-

* Ibid. Ch. 10.

вать. Для этого нужна со стороны сильных умеренность имущества и кредита, со стороны слабых умеренность корысти. Утверждают, что подобное уравнение есть химера; но если сила вещей всегда ведет к уничтожению равенства, то именно поэтому законодательство всегда должно стараться его сохранить*.

Таким образом, Руссо ставит равенство в зависимость от свободы и отличает равенство юридическое от равенства фактического. Первое он признает вполне: в силу общественного договора все граждане, подчиняясь одинаким условиям, должны иметь одинакие права**. Второе же устанавливается в известных пределах, насколько это нужно для ограждения свободы. Давая первенство последнему началу, Руссо не доводил всеобщего уравнения до коммунистических утопий, а требовал только умерения крайностей. Однако и это требование, уничтожающее свободу экономических отношений, в действительности не осуществимо. Мы увидим у других писателей той же школы более радикальное приложение этих начал.

Руссо признает вместе с тем, что эти общие предметы законодательства должны видоизменяться в каждой стране вследствие отношений, возникающих из местного положения и из характера жителей. Отсюда необходимость дать каждому народу особенную систему учреждений, не ту, которая наилучшая сама по себе, а ту, которая всего более приходится государству, где она должна действовать***. Эта уступка разнообразию жизненных условий остается у него, впрочем, без дальнейших последствий.

От законодательной власти Руссо переходит к правительственной, которую он скоро отличает от первой. Законодателю принадлежит верховная власть в государстве; правительство же является только исполнителем закона. Поэтому и носители власти в обоих случаях совершенно разные. Самодержцем всегда остается сам народ; напротив, правителем народ никогда быть не может, ибо исполнение состоит в частных действиях, которые не могут исходить из общей воли. Таким образом, правительство есть тело, посредствующее между верховною властью и подданными. Оно получает от первой предписания, которые передает последним.

* Ibid. Ch. 11.

** Ibid. Ch. 4.

*** Ibid. Ch. 11.

Отсюда ясно, что между этими тремя факторами устанавливается известное отношение силы, которое должно изменяться, как скоро происходит перемена в котором-нибудь из них. Так, например, увеличением народонаселения очевидно уменьшается доля каждого гражданина в верховной власти; следовательно, личная воля получает здесь перевес над общею, а потому правительство, которому поручено исполнение законов и обуздание личной воли, должно быть сильнее. Но, с другой стороны, чем сильнее правительство, тем сильнее, в свою очередь, должна быть и державная власть, его воздерживающая. Из этого следует, что при данных условиях может быть только одно хорошее правительство и что с изменением условий должно изменяться и самое устройство правительственной власти*.

Руссо не объясняет, каким способом возможно дать более силы самодержцу, когда воля его естественно слабеет вследствие увеличения народонаселения. Если ему дается большее влияние на правительство, то последнее, в свою очередь, через это становится слабее. Тут, по-видимому, образуется безвыходный логический круг. Непонятно также, каким образом верховная власть может воздерживать правительство, когда исключительная ее задача состоит в издании законов и она не вправе обсуждать или предпринимать какие бы то ни было частные действия. Мы увидим ниже, к каким ухищрениям Руссо прибегает, чтобы выйти из этого затруднения.

Сила правительства, продолжает Руссо, зависит прежде всего от его состава. Чем оно многочисленнее, тем большее преобладание получает в нем личная воля членов, а потому тем более силы должно истрачиваться на воздержание последних и тем менее ее остается на исполнение других задач. Следовательно, чем многочисленнее правительство, тем оно слабее, и наоборот, чем оно сосредоточеннее, тем оно сильнее и деятельнее. Но, с другой стороны, чем многочисленнее правительство, тем более оно приближается к общей воле, а чем оно сосредоточеннее, тем более оно получает характер частной воли отдельного лица. Искусство законодателя состоит в том, чтобы в каждом данном случае найти надлежащую пропорцию**.

Составом правительства определяется различие образов правления. Самодержец всегда один, именно народ; прави-

* Ibid. L. III. Ch. 1.

** Ibid. Ch. 2.

тельство же может иметь разнообразное устройство. Отсюда различные политические формы, как-то: демократия, аристократия, монархия и, наконец, смешанные. Если сила правительства должна быть обратно пропорциональна количеству населения, то ясно, что демократическое устройство прилично малым государствам, аристократическое — средним, монархическое — большим. Но здесь может быть множество обстоятельств, видоизменяющих эти отношения*.

Каждый образ правления имеет, кроме того, свои выгоды и свои недостатки. Казалось бы, нет правления лучше того, в котором исполнение предоставляется самому законодателю. Но именно смещение того, что должно быть разделено, ведет к значительным неудобствам. При таком устройстве мысль народа от общих начал обращается к частным вопросам, а отсюда происходит развращение законодателя. Затем, гражданам трудно постоянно собираться для управления; нужна большая простота нравов для избежания слишком сложных дел и запутанных прений; необходимо в обществе значительное равенство положений и состояний, без чего не может долго держаться равенство власти и прав; наконец, здесь не может быть допущена роскошь, которая, потакая частным интересам, развращает и богатых и бедных. К этому надобно прибавить, что нет правления, более подверженного смутам и междоусобиям. Демократия, собственно говоря, приходится богам, а не людям**.

В аристократии можно различать несколько видов: естественную, когда правят старшие летами, выборную и, наконец, наследственную. Первая прилична только первобытным народам; последняя может считаться худшим из всех образов правления; вторая, напротив, есть самая совершенная форма, ибо к разделению властей здесь присоединяется выбор способнейших. В аристократии не требуется такого редкого сочетания условий и добродетелей, как в народном правлении; но нужны умеренность в богатых и довольство в бедных. Полное же равенство было бы тут неуместно***.

Монархическая форма, с своей стороны, дает правительству наиболее силы и единства; но это единство нередко обращается в частную пользу лица, стоящего во главе. Нет правления,

* Ibid. Ch. 3.

** Ibid. Ch. 4.

*** Ibid. Ch. 5.

в котором бы личная воля до такой степени преобладала над общею. Монархия приходится, собственно, большим государствам; но чем обширнее государство, тем труднее им управлять. Сил монарха на это не хватает; нужны подчиненные лица, а в выборе лиц всего более проявляются недостатки монархической власти. При народном выборе обыкновенно выдвигаются способнейшие люди; в монархии высшие места всего чаще занимают ничтожные личности, которые мелкими интригами и талантами умеют угодить правителю. Наконец, значительнейшая невыгода монархии состоит в том, что смертью государя прерывается связь правления. При избирательной форме неизбежны междуцарствия, крамолы, подкупы и глубокие потрясения; в наследственной же монархии правление может достаться в руки малолетнего или неспособного лица. Все эти недостатки, говорит Руссо, не ускользнули от безусловных защитников монархической власти; но они видят лекарство против этих зол в безропотном повиновении подданных, утверждая, что дурной царь есть наказание Божие за грехи человеческие. Подобные речи весьма назидательны, но они более уместны на кафедре проповедника, нежели в политическом сочинении*.

Что касается до смешанных правлений, то они не могут быть сравнены с простыми уже в том отношении, что простое само по себе лучше сложного. Однако бывают обстоятельства, когда нужно прибегнуть и к этой форме. Там, где исполнительная власть недостаточно зависит от законодательной, полезно ее разделить и установить правление смешанное или умеренное**.

Вообще надобно сказать, что свобода приходится не всякому климату и не всякому народу. Это положение Монтескье, говорит Руссо, становится тем более очевидным, чем более оно подвергается критике***. Руссо упрекает своего предшественника только в том, что у него иногда недостает точности и ясности в мыслях, вследствие чего он не видал, что все эти различия политических форм относятся собственно к правительству, а не к верховной власти, которая по существу своему везде одна и та же****. Нельзя не заметить,

* Ibid. Ch. 6.

** Ibid. Ch. 7.

*** Ibid. Ch. 8.

**** Ibid. Ch. 4.

что подобная оговорка уничтожает самую сущность мысли Монтескье; ибо очевидно, нет возможности разбирать, приходится или не приходится свобода известному народу, если народ всегда и везде полновластен. Различное устройство подчиненных властей имеет второстепенное значение. При чисто демократической точке зрения, на которой стоял Руссо, влияние внешних обстоятельств на образы правления теряет свой существенный смысл.

Исходя от начала народовластия, Руссо последовательно не признает установления правительства договором между правителями и народом. Договор предполагает независимые лица, а здесь народ остается повелителем; правители же обязываются повиноваться его приказаниями. Это не есть также отчуждение какой-либо части верховной власти, ибо последняя, по существу своему, неотчуждаема. Следовательно, установление правительства должно рассматриваться как акт народной воли, возлагающей на известные лица исполнение законов*.

В этом акте следует различать две части: установление закона, определяющего, каков должен быть образ правления, и самое избрание лиц. Первое есть дело народа в качестве законодателя; второе же, как частное действие, не может принадлежать самодержцу. Как же выйти из этого затруднения? Как совершить правительственное действие, прежде нежели существует какое либо правительство? Здесь, говорит Руссо, открывается одно из удивительных свойств политического тела, в котором сочетаются, по-видимому, самые противоречащие определения. Как скоро закон издан, так происходит внезапное превращение самодержца в демократическое правительство, и тогда народ, уже не в качестве носителя верховной власти, а как правитель, имеет возможность приступить к выбору**. Едва ли нужно заметить, что противоречие лежит здесь не в существе вещей, а в мыслях писателя.

Недостаточно установить правительство; нужно еще постоянно его воздерживать. Отличаясь от верховной власти, которая выражает собою общую волю, правительство всегда имеет свою частную волю, а потому, по самой своей природе, всегда стремится действовать в свою пользу. Это стремление, присущее всякому правительству, каково бы оно ни было, ведет к тому, что исполнитель рано или поздно получает

* Ibid. Ch. 16.

** Ibid. Ch. 17.

перевес над законодателем, а вследствие того нарушается общественный договор. Это — неизбежное зло, которое с самого основания политического тела непрерывно его подкапывает, и наконец приводит его к разрушению. Процесс искажения правительственной власти происходит двояким путем: тем, что правительство суживается, и тем, что самое государство разрушается. Правительство суживается, когда оно переходит в меньшее количество рук. Это — естественное его движение, причина которого заключается в том, что пружины, постоянно напрягаясь, наконец ослабевают, а потому нужно бывает их подтянуть. Государство же разрушается, когда правительство захватывает власть, принадлежащую самодержцу. Тогда общественный договор нарушен и граждане возвращаются в первобытное состояние свободы. Если они, при этом порядке, продолжают еще повиноваться, то они делают это единственно покоряясь силе, а не по обязанности*.

Самые лучшие правительства подчиняются этому закону; все государства обречены смерти. Человеческое искусство может только продлить более или менее их существование, поддерживая в них истинные начала политической жизни**. Главное лекарство против зла состоит в постоянной деятельности верховной законодательной власти, ибо ею только государство существует. Чем сильнее правительство, тем чаще должен показываться самодержец, и как скоро он является на лице, так приостанавливается всякое правительственное действие и прекращается самая исполнительная власть. Где есть представляемый, там нет уже представителя***.

Прилагая это начало, Руссо требует, чтобы открытие народных собраний всегда сопровождалось двумя предложениями, которые никогда не могут быть устранены и должны быть отдельно пущены на голоса: 1) угодно ли самодержцу сохранить существующий образ правления; 2) угодно ли народу оставить управление в руках тех лиц, которым оно вверено в настоящее время? Таким образом, правители всегда находятся под ударом и могут быть удалены, как скоро у них является малейшее поползновение к захватам. Самое наследственное правление, говорит Руссо, устанавливается только как временный порядок, который держится до тех пор, пока народу не

* Ibid. Ch. 10.

** Ibid. Ch. 11.

*** Ibid. Ch. 13, 14.

угодно распорядиться иначе. Как самодержец, народ всегда волен устанавливать и сменять исполнителей*.

Несостоятельность всех этих мер кидается в глаза. Прекращение исполнительной власти всякий раз, как происходит народное собрание, практически невысказано. Да и нет к тому ни малейшего повода. Законодательство и исполнение всегда могут идти рядом. Уничтожение правительства перед лицом законодателя имело бы какой-нибудь смысл единственно в том случае, если бы последний сосредоточивал в себе и исполнительную власть; но именно это Руссо отвергает. По его теории, правительство вовсе не является представителем самодержца, ибо оно облачается такою отраслью власти, которая никогда самодержцу принадлежать не может. С точки зрения Руссо, совершенно непонятно постановление второго вопроса, который предлагается народному собранию. Если законодатель не может предпринять никакого частного действия, то он не имеет права и сменить правителей. Если же вопрос относится не к самодержцу, а к народу как правителю, то это означает, что существующее правление уже уничтожено и установилась демократия: но тогда нечего спрашивать о сохранении существующего правления и об оставлении его в прежних руках: в таком случае как скоро народ собран, так он является не только самодержцем, но и правителем, а другие формы допускаются лишь в промежутках времени между собраниями. Одним словом, куда бы мы ни обратились, везде, при этом устройстве, мы встречаем совершенно невысказанные предположения и порядки.

В оправдание своих взглядов Руссо ссылается на древние государства. Многие, говорит он, сочтут народные собрания за химеру. В настоящее время так. Но это не было химерою две тысячи лет тому назад. Разве изменилась природа человека? ** Правда, у греков были многие преимущества перед нами. Они жили в теплом климате; народ не был жаден; тяжелые работы были возложены на рабов; существенным делом гражданина была свобода. Не имея тех же выгод, можем ли мы пользоваться теми же правами? «Как, — восклицает при этом Руссо, — неужели свобода держится только рабством? Может быть. Обе крайности сходятся. Все, что не установлено природою, имеет свои невыгоды, и гражданское общество более, нежели что-либо другое. Есть несчастные положения, где можно сохранить свою

* Ibid. Ch. 18.

** Ibid. Ch. 12.

свободу только в ущерб чужой и где гражданин может быть совершенно свободен лишь с тем, чтобы раб был полнейшим рабом. Таково было положение Спарты. Вы, новые народы, вы не имеете рабов, но вы сами рабы; вы их свободу покупаете своею. Как бы вы ни хвастались этим преимуществом, я нахожу в нем более слабодушия, нежели человеколюбия»*.

Руссо оговаривается при этом, что он отнюдь не думает утверждать законность рабства, ибо он выше доказал противное; но затем остается необъясненным, каким способом возможна постоянная деятельность народных собраний без установления рабства. Это опять один из ярких примеров тех противоречий, в которые вовлекла знаменитого философа основная его точка зрения. Непосредственное участие каждого гражданина в общих решениях непременно требует пожертвования личных интересов общественным. Чем сложнее отношения, тем более силы должно быть предоставлено правительству, а потому тем деятельнее должен быть самодержец. Руссо ясно сознавал, что при таком порядке гражданин должен всецело отдавать себя государству, забывши о своих частных делах. Так и было в древних республиках; но там физический труд возлагался на рабов. Повинуясь логике, Руссо не усомнился объявить рабство условием свободы, хотя в требовании свободы он отпирался от незаконности рабства. Противоречие было ясное; но оно последовательно вытекало из всего характера учения.

Руссо предлагает, впрочем, и другое средство воздерживать правительство — средство, заимствованное также у древних, именно установление трибуната. Это учреждение должно быть оберегателем законов и законодательной власти; но оно может иметь и другие цели. Иногда оно ограждает самодержца от захватов правительства, как делали римские трибуны; иногда же оно поддерживает правительство против народа, как в Венеции Совет Десяти; наконец, оно может охранять равновесие между обеими сторонами, по примеру спартанских эфоров. Во всяком случае, трибунат не входит как составная часть в политическое тело, а потому не должен иметь никакого участия ни в законодательной, ни в исполнительной власти. Он ничего не может делать, а имеет право только всему помешать. Но как хранитель законов, он священнее самодержца, который их издает, и князя, который их исполняет. Мудро

* Ibid. Ch. 15.

устроенный трибунал составляет самую крепкую поддержку хорошей конституции; но с другой стороны, если дать ему хотя немного лишней силы, он может все разрушить. Он становится тираническим, как скоро он забирает в свои руки исполнительную власть, которую он должен умерять, или хочет издавать законы, которые он обязан только оберегать. Лучшее средство предупредить его захваты, средство доселе не испытанное, заключается, по мнению Руссо, в том, чтобы не делать его учреждением постоянным, но положить законом известные промежутки времени, в течение которых он прекращает свое действие. В случае нужды эти промежутки могут быть сокращаемы установлением чрезвычайных комиссий, а в крайности можно прибегнуть и к диктатуре*.

Нельзя не заметить, что принятие подобного средства сделало бы трибунал совершенно бесполезным учреждением. Самодержец, являющийся по временам, имеет гораздо более силы для воздержания правителей, ибо окончательно все от него зависит; а потому особенный, изредка надзирающий орган оказывается лишним. Трибунал же, в виде постоянного учреждения, всемогущий, как помеха, но лишенный всякого положительного права, неизбежно будет иметь стремление к непрерывному расширению своей власти. Самодержец должен иметь над ним такой же надзор, как тот над правителем. Заимствуя свои образцы из Древнего мира, Руссо прилагал их к политическому порядку, не имеющему ничего общего с устройством античных республик. Трибунал имел значение при разделении верховной власти между аристократическим сословием и демократическою массою; но он теряет всякий смысл и становится только лишним колесом там, где полновластный самодержец всегда может явиться налицо и где перед ним исчезает всякое правительство.

Во имя единства верховной власти Руссо налагает наконец руку и на права совести. Он не допускает разделения властей, светской и духовной. «Все, что нарушает общественное единство, — говорит он, — никуда не годится; все учреждения, которые ставят человека в противоречие с самим собою, никуда не годятся»⁶. По его мнению, из всех новых писателей один Гоббес видел зло и указал против него настоящее лекарство, которое состоит в соединении властей, то есть в приведении обеих сфер к единству политическому, без чего не может быть

* Ibid. L. IV. Ch. 5.

хорошо устроенного правления⁷. Самое подчинение церкви государству кажется Руссо недостаточным. Единственный исход заключается в том, чтобы самодержец был вместе и религиозным законодателем; иначе в обществе неизбежно водворяются две верховных власти. При этом Руссо указывает на Магомета, который, по его мнению, имел здравые понятия о вещах и хорошо связал свою политическую систему*.

Какую же религию следует предписать гражданам? Руссо отвергает как языческие национальные верования, основанные на предрассудках, так и чистую мораль христианина. Первые, говорит он, имеют ту хорошую сторону, что они привязывают человека к отечеству; но, коренясь в заблуждениях, они вводят людей в обман и внушают им ложные понятия о вещах. Вторая же, несмотря на всю свою святость, страдает тем существенным недостатком, что она отстраняет от себя всякое отношение к политическому телу, следовательно, оставляет законы без религиозного освящения и тем уничтожает одну из сильнейших связей общества. Вместо того чтобы привязать граждан к государству, христианство отрешает их от всего земного. «Я не знаю ничего более противного общественному духу», — говорит Руссо. Он утверждает даже, что из истинных христиан невозможно составить государство, ибо отечество у них не на земле, а на небе. Это суждение, бесспорно, весьма преувеличенно: обрекая гражданина всецело государству, Руссо не хотел даже допустить для него возможности возвыситься чувством и совестью над тесным кругом народных воззрений в более широкую область общечеловеческой нравственности.

С устранением всех существующих верований остается изобрести чисто гражданскую религию. Это именно и советует Руссо. Верховная власть, говорит он, имеет право требовать от граждан только то, что нужно для общественной пользы. Поэтому, предоставляя им верить в остальном, как им угодно, она может предписать им известные догматы, необходимые для общежития. К вере никого нельзя принудить; но всякий неверующий должен быть изгнан из государства не как нечестивец, а как враг общества, как человек, неспособный искренно любить законы, правду и пожертвовать, в случае нужды, своею жизнью для пользы отечества. Если же кто, публично признавши установленные догматы, ведет себя так,

* Ibid. Ch. 8.

как будто бы он их не признавал, он должен быть наказан смертью, ибо «он совершил величайшее из преступлений; он солгал перед законами»*.

Положительная часть этих гражданских догматов заключается прежде всего в признании Божества, всемогущего, премудрого и благого, затем Промысла Божьего, загробной жизни, будущих наград и наказаний, наконец, святости общественного договора и законов. Отрицательные же догматы ограничиваются одним: запрещением нетерпимости. Всякий, кто осмелится сказать: *вне церкви нет спасения*, должен быть изгнан из государства**.

Этим требованием нетерпимости во имя терпимости Руссо достойным образом заканчивает свое сочинение, которое можно назвать доведением до нелепости теорий индивидуализма. Отправляясь от одностороннего начала, он с неустрашимой логикой выводит из него все необходимые последствия. Как все философы индивидуальной школы, Руссо понимал человека единственно как особь, а потому приписывал ему от природы неограниченную свободу. Но вместе с тем он понял, что сохранение какой бы то ни было части естественной свободы в общежитии невозможно: признание неотчуждаемых прав человека ведет к анархии, к преобладанию частных интересов над общими и, наконец, к разрушению политического тела. Он понял, что необходимое условие существования государства заключается в полном подчинении членов и в пожертвовании личных интересов общественным. Поэтому он задал себе задачей построить искусственное тело, способное изменить природу человека, превративши самобытную особь в нераздельного члена единого целого. Но и в этом искусственном учреждении сохраняется абсолютное требование свободы: получивши новую природу, отдавши себя всецело обществу, человек все-таки должен повиноваться только собственной своей воле. Как же согласить такие противоречащие начала? Не останавливаясь ни перед чем, Руссо с неуклонною последовательностью строит свое здание. Отсюда присвоение политического права неотъемлемо каждому лицу и неперемное участие каждого в общих решениях; отсюда неотчуждаемость верховной власти с устранением даже представительного начала; отсюда невозможное ограни-

* Ibid. Ch. 8.

** Ibid. Ch. 8.

чение законодательства постановлениями, одинаково касающимися всех; отсюда чисто механическое отличие общей воли от воли всех; отсюда уничтожение первого условия свободного правления — предварительного соглашения насчет общих дел и вытекающей отсюда борьбы партий. Граждане имеют абсолютное право участия во всех решениях общества, но им запрещено совещаться между собою. Самодержец, с одной стороны, является полновластным, так что он не может даже временно быть заменен другими лицами; с другой стороны, он связан по рукам, ибо не может предпринять никакого частного действия и принужден вверить все управление правительству, которое постоянно стремится к захватам. Поэтому он должен вечно стоять настороже, и граждане принуждены оставлять свои частные дела для общественных. Волею или неволею, приходится видеть в рабстве условие свободы. Наконец, в довершение всего, самые права совести подчиняются требованиям государственного единства: гражданам предписывается известная, обязательная для всех религия. Для личной свободы не остается более места; весь человек поглощается свободой политической.

Для нас несостоятельность всех этих выводов совершенно очевидна. Но чтобы понять всю односторонность этого учения и несовместимость кроющихся в нем начал, надобно было возвыситься над индивидуалистической точкою зрения. Для тех же, которые стояли на той же почве, эта смелость логики имела обаятельную силу. Теориями Руссо увлекались не одни революционеры, но великие мыслители, как Кант и Фихте⁸, которые, как увидим далее, усваивая себе некоторые из этих начал, делали из них столь же несостоятельные выводы. Кроме того, Руссо действовал на современников и другою стороною, которая имела гораздо высшее значение. Он явился как противодействие материализму и вытекавшему из него крайнему индивидуализму, которые указывали человеку на личное удовлетворение как на единственную цель его бытия и тем возмущали лучшие человеческие чувства. Руссо, напротив, требовал, чтобы гражданин жертвовал собою общему делу; любовь к отечеству была для него высшею добродетелью человека; он ставил мужественные и великодушные качества древних в образец изнеженным и измельчавшим современникам, которые, живя среди утонченной цивилизации, искали в ней преимущественно средств для личного наслаждения. Руссо проклинал образование, которое портило нравы, развивая ум, и с умножением жизненных удобств умножало и пороки.

Никто, как он, не содействовал возбуждению в обществе той страстной энергии в искании свободы, которая проявилась во французской революции и которая готова была жертвовать всем для достижения высшего общественного идеала. Все это, конечно, не совсем клеилось с основными началами учения, которое отправлялось от удовлетворения личности как от абсолютного требования и мерила. Чтобы создать такое общество, о котором мечтал Руссо, надобно было идти наперекор природе; надобно было, по собственному его выражению, превратить естественного человека, составляющего самобытное целое, в искусственное существо, сознающее себя членом другого, высшего целого. В сущности, это был выход из индивидуализма и переход к идеализму; но этот выход лежал в самом развитии индивидуалистических воззрений: он являлся как необходимое требование логики, а вместе с тем он отвечал и высшим свойствам человека. Отсюда громадное значение Руссо в истории политической мысли.

Этот патриотический пыл, этот энтузиазм свободы, который воодушевлял женевского философа, нигде не выразился так ярко, как в «Соображениях о правлении Польши» («*Considérations sur le gouvernement de Pologne*»), писанных в 1772 году по просьбе графа Виельгорского⁹. В «Общественном Договоре» Руссо логически выводил основные черты правомерного государственного устройства; здесь он хотел показать применение своих начал к действительности и средства упредить распавшееся общественное здание.

Последняя задача, в сущности, не совсем согласуется с первой. Если единственное правомерное основание государства есть общественный договор в том виде, как его понимает Руссо; если всякое уклонение от неизменных его условий есть разрушение самого союза, то нет сомнения, что все учреждения, не подходящие под эти начала, должны быть безусловно отвергаемы, как незаконные. Между тем Руссо вовсе не становится на такую точку зрения. Он отнюдь не советует ниспровергнуть весь существующий порядок и заменить его новым. Напротив, он требует, чтобы самые злоупотребления исправлялись с величайшею осторожностью. Многие, притом, в польских учреждениях ему нравилось, как согласное с его началами, и всего более именно то, что поддерживало анархию. Так, он особенно стоит за права местных сеймиков, видя в них лучший оплот свободы. Он требует, чтобы избираемые от них нунции в общий сейм получали обязательные инструкции, с строжайшею ответственностью за каждое произнесенное сло-

во*. Ему хотелось бы даже превратить Польшу в простой союз областей, ибо только федеративная форма соединяет в себе выгоды больших и малых государств**. Точно так же он стоит за конфедерации, которые, по его мнению, спасли свободу Польши; они кажутся ему верхом политического искусства. Надобно только точнее определить случаи, когда они могут и должны составляться. Самое *liberum veto*¹⁰ Руссо считает высоким правом, от которого никак не следует отказываться. И здесь задача заключается единственно в устранении злоупотреблений. Полного единогласия надобно требовать только при обсуждении основных законов государства; для решения же остальных дел достаточно двух третей голосов, а иногда даже простого большинства. При этом общество должно быть ограждено от своевольного нарушения общественных интересов со стороны его членов. Невозможно терпеть, чтобы один человек мог безнаказанно поставить государство в безвыходное положение. Поэтому тот, кто своим голосом остановил общее решение, должен быть по истечении некоторого времени, когда улеглись страсти, подвергнут строгому суду и ответственности. Если он будет найден виновным, он должен быть предан смерти без всякого милосердия; если же, напротив, окажется, что его мнение клонилось к пользе народа, ему должны быть присуждены пожизненные почести. Среднее между тем и другим не допускается***.

Нельзя не сказать, что при таком порядке от свободы голоса остается один призрак. Это странное сочетание анархических правил с тираническими приемами живо характеризует направление Руссо и его последователей. Вместо того чтобы советовать Польше принятие таких мер, которые могли бы уничтожить внутренний разлад и скрепить ослабевшее от анархии тело, демократический философ старается поддерживать все разлагающие элементы, думая исправить зло суровостью наказаний. В этом обнаруживается полное отсутствие политического смысла.

При таких взглядах, Руссо, конечно, не мог согласиться на введение наследственности престола, в которой некоторые видели лекарство от неурядицы. Он советует, напротив, совершенно запретить выбор сына после отца. Сочетание жребия с

* *Considérations sur le gouvernement de Pologne. Ch 7.*

** *Ibid. Ch. 5.*

*** *Ibid. Ch. 9.*

выбором, наподобие Венеции, кажется ему достаточным для предупреждения всяких козней*. Еще менее мог проповедник равенства сочувствовать аристократическим привилегиям и крепостному праву. Здесь он затрагивает одну из существенных причин упадка Польши. «Нельзя, — говорит он, — безнаказанно нарушать священнейший закон природы; слабость, постигшая великий народ, является плодом того феодального варварства, которое заставляет отсекать от государства самую многочисленную и нередко самую здоровую его часть... И откуда возьмет Польша могущество и силы, которые она добровольно подавляет в себе самой? Благородные поляки, — восклицает Руссо, — будьте не только благородными, но и людьми; тогда только вы можете быть счастливы и свободны; но не льстите себя надеждою быть таковыми, пока вы держите своих братьев в оковах»**.

Требуя освобождения крестьян и приобщения горожан к политическим правам, Руссо хочет, однако, чтобы это делалось постепенно. «Свобода, — говорит он, — пища добросочная, но трудная для пищеварения; нужны крепкие желудки, чтобы ее вынести. Я смеюсь над теми погрязшими в унижении народами, которые, наущенные демагогами, смеют говорить о свободе, не имея об ней никакого понятия, и с сердцем, исполненным всеми пороками рабов, воображают, что для того, чтобы стать свободными, достаточно быть бунтовщиками. Гордая и святая свобода! если бы эти бедные люди могли тебя узнать, если бы они ведали, какою ценою тебя можно приобрести и сохранить, если бы они чувствовали, до какой степени твои законы строже самого тяжелого ига тиранов, их слабые души, рабыни страстей, которые следовало бы подавлять, боялись бы тебя в тысячу раз более, нежели рабства; они бежали бы от тебя с ужасом, как от бремени, готового их раздавить»***.

Чтобы упредить свободу в государстве, нужно прежде всего возвысить и укрепить души, воспитав в них любовь к отечеству и готовность к самопожертвованию. Руссо ставит в пример греков и римлян. Современным людям, чувствующим свое ничтожество, кажется почти невероятным, чтобы когда-либо существовали столь высокие доблести. Однако это были такие же люди, как и мы; что же мешает нам уподобляться

* Ibid. Ch. 8, 14.

** Ibid. Ch. 6.

*** Ibid. Ch. 6.

им? «Наши предрассудки, — говорит Руссо, — наша низкая философия, страсти мелкого интереса, совокупно с эгоизмом овладевшие всеми сердцами под влиянием цельных учреждений, которых никогда не касалась рука гения». Ликург поступил совсем иначе. «Он наложил на народ железное ярмо, подобного которому никогда не носило никакое другое племя; но он внушил ему привязанность к этому ярму и сделал его, так сказать, тождественным с своим бременем, давая ему постоянные занятия. Он беспрестанно показывал ему отечество, в законах, в играх, в домашнем быту, в любви, на пирах; он не оставлял ему ни минуты отдыха, чтобы прийти в себя: и из этого непрерывного принуждения, облагороженного своим предметом, родилась в нем та пламенная любовь к отечеству, которая всегда была сильнейшею, или лучше сказать, единственною страстью спартанцев и которая сделала их существами высшими, нежели человек»*.

Все древние законодатели следовали тому же направлению; все старались создать связи, которые бы привязывали граждан к отечеству и друг к другу. Совершенно другое мы видим у новых народов: если у них есть законы, то они устанавливаются единственно с целью научить их повиноваться господам, не красть в карманах и давать много денег общественным плутам. Их обычаи состоят в умении увеселять праздность распутных женщин и щегольски выказывать свою собственную. Они собираются или в храмах, где ничто не напоминает им отечества, или в театрах, где они учатся разврату, или на празднествах, где народ остается в презрении, где общественная похвала или порицание ничего не значат и где ищут только тайных связей и удовольствий, разъединяющих и развращающих сердца. Какая тут школа для патриотизма? И мудрено ли, что новые народы вовсе не похожи на древних?

Руссо требует от поляков, чтобы они прежде всего сохраняли свои национальные нравы и учреждения, которые одни образуют гений, характер и вкусы народа, которые дают ему физиономию и внушают ему страстную любовь к отечеству, основанную на неискоренимых привычках. Они должны говорить на своем родном языке, носить народную одежду, свято соблюдать народные обычаи и увеселения. И везде, постоянно, перед их глазами должно быть отечество как высшая цель их

* Ibid. Ch. 2.

жизни, так чтобы поляк, оборотивши ненавистную поговорку, мог сказать: *«где отечество, там хорошо»**. Главное внимание должно быть устремлено на воспитание, которое одно может развить в гражданах патриотический дух. Оно должно быть общее и одинаковое для всех. Воспитателями могут быть единственно туземцы. Ребенок с колыбели должен видеть перед собою отечество; юноша должен знать все, что до него касается, изучать его историю, запечатлеть себе в памяти дела предков**. У взрослых же следует поддерживать простоту нравов, здоровые вкусы, дух воинственный без честолюбия. Надобно образовать мужественные и самоотверженные души и для этого внушить народу презрение к деньгам и обратить его к земледелию и к искусствам, полезным для жизни***. Гражданин должен быть всегда готов исполнять все общественные обязанности; у него не должно быть особой карьеры, но все должны двигаться в иерархическом порядке, перед глазами целого общества****. Древние же знали различия гражданской и военной службы; у них граждане не были по ремеслу ни солдатами, ни судьями, ни жрецами, но были всем по обязанности. В этом заключается истинная тайна заставить всех идти к одной цели и помешать развитию корпоративного духа в ущерб патриотизму*****. Поэтому не следует держать и постоянного войска, которое служит только орудием честолюбия и угнетения. Каждый гражданин должен быть воином, всегда готовым на защиту отечества. Военное устройство, тактика, дисциплина — все должно иметь народный характер. Не нужно и крепостей; лучший оплот свободного государства заключается в сердцах граждан. Чтобы сделать народ непобедимым, достаточно любви к отечеству и к свободе, одушевленной неразлучными с нею добродетелями. Государственные люди, которые судят о человечестве по себе и по окружающим, говорит Руссо, не воображают, какую силу дают свободным душам любовь к родине и возбуждение добродетели. Всеобщее соревнование рождает то патриотическое опьянение, которое одно способно поднять людей выше себя самих и без которого свобода остается пустым звуком, а законодательство не более

* Ibid. Ch. 8.

** Ibid. Ch. 4.

*** Ibid. Ch. 11.

**** Ibid. Ch. 13.

***** Ibid. Ch. 10.

как химерою*. В этом неиссякаемом патриотическом духе Руссо видит единственное спасение Польши против могучих соседей, стремящихся к ее порабощению. «Вы не можете помешать им вас проглотить, — восклицает он, — сделайте по крайней мере так, чтобы они не могли вас переварить»**.

Таково было последнее слово Руссо. Очевидно, что в его суждениях и советах было весьма мало практического. Идеал его, снятый с примеров античной доблести, был совершенно неприложим к новым народам, у которых частная жизнь и личные интересы, в силу самого хода истории, получили несравненно большее развитие, нежели в древности. От нового человека невозможно требовать, чтобы он жил единственно для отечества, не имея в виду ничего другого. С одной стороны, личность получила большее значение, с другой стороны, общечеловеческое начало разбило тесные рамки античного государства и вывело человечество на более широкую дорогу. Указывать современникам на спартанские учреждения как на образец, значило совершенно не понимать характера новой истории и потребностей действительной жизни. При всем том, нельзя не признать, что эта пламенная проповедь любви к отечеству имела свою весьма высокую сторону. Человек выводится из мелкой сферы эгоистических стремлений; ему указывается высшая цель, которой он обязан служить. В первый раз в теориях Нового времени начало народности выставляется центром всей политической жизни. Кроме того, среди всех преувеличений, внушенных односторонним направлением и страстным стремлением к идеалу, у Руссо является глубокое сознание весьма существенной истины, именно, что свобода сохраняется только ревностным исполнением общественного долга, постоянством и самоотвержением. Но это самое показывает всю недостаточность исключительного индивидуализма. Охранение права само собою превращается в тяжелую обязанность, в служение высшему порядку, властвующему над отдельными лицами. И чем более требуется прав, тем труднее становится обязанность. Руссо хотел, чтобы личная воля каждого непосредственно участвовала в общих решениях; последствием было то, что человек должен был всецело отдать себя государству, которое получало неограниченную власть над его лицом, над имуществом, над его жизнью и мыслью. Это

* Ibid. Ch. 12.

** Ibid. Ch. 3.

было очевидное противоречие основному началу; в результате выходило, что свобода может сохраняться единственно отречением от себя самой.

У Руссо это противоречие принимало особенно опасный характер. Личная независимость у него исчезла; свобода оставалась только как владычество массы, вооруженной абсолютным правом и не признающей ничего вне себя. Плодом подобного учения могло быть только установление самого страшного деспотизма во имя свободы. Это именно и произошло во времена Конвента, когда демократические начала, заимствованные у Руссо, явились орудием и опорой кровавого террора. Во имя воли народной тысячи голов ложились на плаху, а между тем террористы услаждались мечтами об идиллическом счастье, которое они готовили человечеству. И это не было лицемерие: противоречие лежало в самой основе их мыслей, в том учении, которым они вдохновлялись. Никто более Руссо не содействовал возбуждению в них той страстной энергии, того несокрушимого революционного пыла, которые все унесли перед собою; но идеалы Руссо должны были вечно оставаться в области мечтаний: им не было места в действительной жизни. Поэтому, когда свобода, доведенная до исступления, сокрушила врагов, как внутренних, так и внешних, она рушилась сама собою, от собственного бессилия и внутреннего разлада.

Падение террористов составляет последний акт французской революции, которая с этого момента получает обратный ход, пока она окончательно не уступает гению Наполеона. В краткий период времени пройдены были все системы, созданные философами XVIII века; содержание мысли было исчерпано вполне. Учение о народе как источнике верховной власти, провозглашенное при самом созвании Учредительного собрания и занесенное в конституцию 1791 года, система разделения и равновесия властей, права человека, индивидуалистическая республика, наконец, теория Руссо, все это сменилось одно другим вместе с ходом событий; все было испробовано, и все оказалось несостоятельным. Результатом переворота было установление военного деспотизма. Безусловные поклонники французской революции стараются объяснить ее неуспех самыми разнообразными причинами. Без сомнения, неустройство демократии, внезапно явившейся на сцену и принужденной вести ожесточенную борьбу со всеми другими общественными стихиями, много способствовало этому исходу; но главная причина заключается в односторонности

самых идей. Индивидуалистические теории, как и все другие системы, могли найти частное приложение при благоприятных обстоятельствах, но как скоро они возводились в мировой закон, которому должны следовать все человеческие общества, так неизбежно должна была сказаться вся их недостаточность. Революция пала, потому что провозглашенные ею начала отнюдь не составляют верховной цели политической жизни народов.

Из этого не следует, однако, что мы должны согласиться с теми, которые признают революцию простым заблуждением человеческого ума. Все предыдущее изложение доказывает, что одностороннее развитие разнообразных жизненных элементов лежит в самом существе человеческого духа, что этим только путем проявляется вся полнота его содержания. Французская революция была событием мировым, и результаты ее не пропали. Великое ее значение в истории заключается в том, что она вдвинула начала свободы и равенства в общеевропейскую жизнь и сделала их центром, около которого стало вращаться развитие европейских обществ. Отныне лозунгом партий стали: революция и противодействие революции. Несмотря на последовавшую реакцию, для либеральных начал было завоевано место, из которого невозможно было их вытеснить. Самое одностороннее их понимание дало французскому народу ту уверенность в себе и ту громадную силу, которые были необходимы для исполнения этой задачи. Но полное осуществление начал, провозглашенных революцией, было невозможно вследствие самой их односторонности. Свобода составляет один из существенных элементов человеческого развития, но отнюдь не единственный и даже не высший. Поэтому временное ее торжество должно было кончиться ее падением; последовательное движение мыслей и событий довело революцию до самоотрицания. Совершив свое дело, изложив все свое содержание, одностороннее развитие должно было уступить место другому направлению, основанному на сочетании противоположных начал.

